

Терёшкина. Знаменитые музыканты исполнят свои новые программы: Денис Мацуев, Кристиан Рудольф Бухбиндер, Элен Гримо, Леонидас Кавакос, Тьерри Эскене, так и молодые полюбившиеся петербургской публике Люка Дебарг, Софья Кипрская, Алексей Стадлер, Сергей Редькин.

XXIV Всероссийский кинофестиваль «Виват кино России!» проходил с 15 по 19 мая в Санкт-Петербурге. На нем было показано 128 фильмов, из них 8 в конкурсной программе. На Дворцовой площади был организован концерт в честь Года российского кино. После него «звезды» отечественного кино на ретроавтомобилях совершили автопробег по Невскому проспекту. Гран-при фестиваля и другие призы получил фильм «Инсайт» режиссера Александра Котта. В дни фестиваля состоялось совещание Художественного совета киностудии «Мосфильм», на котором обсуждались ее перспективы и развитие, в

нем приняли участие Сергей Нарышкин, Георгий Полтавченко, Александр Дрозденко. Избранный попечительский совет возглавит Сергей Нарышкин, председатель Госдумы Федерального собрания России.

В Ночь музеев с 21 по 22 мая 99 музеев подготовили специальные программы. Четвертый павильон «Ленфильма» был превращён в театр «Аквариум», показавший фрагменты шедевров отечественного кинематографа и реквизиты костюмов. В Музее воды проводилась экскурсия «Посещение водонапорной башни архитектуры XIX века» и мультимедийная композиция «Вселенная воды». А с говорящими свидетелями прошлого можно ознакомиться в Музее истории телефона. Программа Музея театрально-музыкального искусства началась с шествия лицедеев к памятнику Екатерине II, а завершилась перформансом «Священная пыль» и джазовым концертом.

А.О. Бороноев, С.С. Бразевич

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Ю.А. ГАСПАРЯНА «РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В АРМЕНИИ В IV–VIII ВЕКАХ»*

© Бороноев Асалхан Ользонович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: pavlovasoc@mail.ru

© Бразевич Святослав Станиславович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: brazevichss@bk.ru

Знакомство с монографией Ю.А. Гаспаряна еще раз утверждает в мысли, что извечными останутся вопросы: что есть человек? в чем заключается смысл жизни? как прожить свою жизнь достойно и в гармонии с обществом? Эти вопросы имеют глубокое философское, религиозное, нравственное содержание. Свой более конкретный ответ на них дает социальная мысль. На уровне обыденного сознания социологию представляют как науку, изучающую конкретную общественную жизнь людей: социальные проблемы различных групп населения, организацию форм общественной жизни и многое другое. В таком понимании социологическая наука является весьма молодой, насчитывает около трехсот лет. Однако, если подходить к социологической теории с всеобъемлющей исторической точки зрения, то зарождение интереса к социальной мысли можно проследить в течение всего периода, который мы называем цивилизацией.

Современные социологи, сомневающиеся в научном статусе социальной мысли, тем

не менее, признают, что она имела и имеет определенное положительное значение. Нередко указывается даже на преимущества социальной мысли перед социологией, причем эти преимущества видят именно в ее ненаучных особенностях. Например, российский социолог А.Б. Гофман считает, что социальная мысль лишена многих «комплексов» социологии (стремления сохранять предметную и методологическую чистоту, строгое следование стандартам научности) и поэтому для нее прозрачны различного рода междисциплинарные границы, на которых нередко сосредотачиваются важнейшие проблемы социальной жизни.

Современное состояние научного знания позволяет предположить, что различия между социальной мыслью и социологией как минимум преувеличены. В этом плане хотелось бы сослаться на мнение Ю.Н. Давыдова, который писал о том, что сегодня мы, по всей видимости, присутствуем при последних минутах невероятно долгого, растянувшегося более чем на сотню лет, прощания

* Гаспарян Ю.А. Развитие социологической мысли в Армении в IV–VIII веках: монография. – Ереван: Лимуш, 2014. – 224 с.

с тщеславной просветительской иллюзией, согласно которой те люди, что жили до нас, непременно должны были быть глупее нас и уж, во всяком случае, должны были уступить нам в смысле «научности» их представлений об обществе. Вместо этого приходит понимание, что опыт иных культур, иное видение общества ценны не только как уникальная часть общечеловеческой культуры, но и как важное подспорье в деле решения проблем современного общества.

В армянской истории, как и в истории любой другой страны, имеются свои особенные черты. Важнейшая отличительная ее черта – постоянная борьба народа против чужеземных захватчиков – борьба, которая продолжалась веками. Понятно, что культура в основных своих чертах должна была не только отражать общие закономерности и особенности развития армянской действительности, но и служить этой действительности, стать необходимым фактором ее развития. С этим связаны некоторые особенности развития армянской социальной мысли.

Известный армянский социолог Ю.А. Гаспарян в своей монографии «Развитие социологической мысли в Армении в IV–VIII веках» всесторонне изучает, анализирует и обобщает особенности развития социологической мысли в трудах Григория Лусаворича, Месропа Маштоца, Корюна, Нерсеса Великого, Езника Кохбаца, Егише, Мовсеса Хоренаци, Павстоса Бюзанда, Лазара Парпеци, Давида Анахта и многих других армянских и греческих мыслителей. В книге подчеркивается, что указанные авторы, исходя из обобщения своих личных исследований и научных идей, делают важные заключения, демонстрирующие процесс формирования отношений между индивидами и социальными группами, характерных для феодализма в Армении в IV–VIII веках. Социальные противоречия требовали от армянских мыслителей концентрации внимания на исследовании не только социальных, но и моральных отношений между группами населения и индивидами.

По мнению автора, изучая эти отношения, государственный деятель Нерсес Великий, будучи католиком Армении в 353–372 годах, исследовал условия и предпосылки появления социального разделения и стратификации в раннефеодальной Армении. Согласно Нерсесу Великому, стратификация армянского общества была результатом способностей, навыков и воспитания, а также и социальной принадлежности и социального статуса. Идея стратификации помогла армянским мыслителям в период раннего феодализма в своих трудах не только осветить

пути решения возникших социально-экономических и социально-политических проблем, стало предпосылкой для формирования и развития социальной мысли в IV–VIII веках.

В монографии значительное место уделено анализу научно-педагогической и социально-политической деятельности просветителя Месропа Маштоца (361–440). Его деятельность привела к качественному переделу развития армянской культуры и в значительной мере способствовала пониманию социальных отношений в жизни армянского народа, существенному повышению уровня образования и воспитания людей, развешиванию литературной и переводческой деятельности, укреплению семьи и семейных связей, свободы воли человека, формированию у членов общества христианских взглядов. В связи с этим внимание автора монографии концентрируется на развитии в средневековых трудах идей нации, высказываемых в них положений о необходимости развешивания идей национального строительства, самоутверждения нации. В книге анализируются социологические особенности религиозного мышления, выясняются формы патриотической социализации молодежи в условиях принятого христианства.

Автором рецензируемой работы дана высокая оценка результатов деятельности Григория Лусаворича. После установления в Армении в 301 г. христианства как государственной религии, благодаря Григорию Лусаворичу в городе Вагаршапат был построен первый христианский собор. В книге показано, как распространение христианских идей способствовало повышению в национальном сознании армянского народа таких важных социальных характеристик, как честность и благородство, активность и ответственность, патриотизм и национальное самосознание, открыло новые возможности для социально-экономического развития страны.

Большое внимание Ю.А. Гаспарян уделяет не только анализу деятельности Месропа Маштоца и Григория Лусаворича, но и просветительской деятельности Мовсеса Хоренаци, Егише, Корюна, Езника Кохбаца, Давида Анахта, Лазара Парпеци, Анания Ширакаци и других. Описываются социальные изменения в период распространения христианства. В частности, у населения сформировались такие ценности, как ответственность, гуманизм, патриотизм, терпимость что, в свою очередь, способствовало установлению социальных норм, а также формированию основ социальной политики.

В книге отмечается, что армянские мыслители обращали большое внимание на

проблему развития личности и ее социализации. В этой связи они рассматривали семью как основу общества, которая является одновременно и социальным институтом, и институтом социализации.

Автором указывается, что в период раннего средневековья армянских мыслителей интересовали те противоречия, которые возникали между социальными группами в результате неэффективного контроля над социальными нормами. Показано, что они сумели найти способы усилить нравственный аспект взаимоотношений между социальными группами и индивидами, и это тоже может рассматриваться как специфическое свойство армянского общества.

Интересен вывод автора о том, что исследования Мовсеса Хоренаци (410–495), Лазаря Парпеци (441–520) и других мыслителей по своей природе и содержанию социальные, поскольку для изучения социальных фактов, событий и явлений они применили принципы и процедуры, фактически соответствующие социологической науке. Ю.А. Гаспарян особо подчеркивает, что опытно-экспериментальные подходы, использованные при исследовании социальной действительности Лазарем Парпеци в V веке, практически не отличаются от методологии проведения исследования, которые сформировались в XVII веке в европейском научном сообществе благодаря трудам Френсиса Бэкона и Рене Декарта.

Автор книги обращает внимание на то, что перед армянскими мыслителями стояла важная задача – дать обоснование процессу познания социальной реальности. Решению этой задачи способствовал перевод на армянский язык трудов Аристотеля «О толковании» и «Категории», логический аппарат которых позволял армянским мыслителям обеспечить эффективность исследования социальных явлений общественной жизни. Давид Анахт, будучи представителем александрийской неоплатонической школы, высоко ценил философское и научное наследие Аристотеля, которое представляло собой обширную и детально разработанную энциклопедию знаний всего античного мира, как о физической природе, так и о человеке, логике его мышления, психологии и морали. Подчеркивается, что армянская философия через Давида Анахта восприняла многие положения аристотелевского логико-философского наследия и развивалась на этой базе.

В монографии показывается, что армянские мыслители раннего средневековья – Корион, Езник Кохбацци, Павстос Бюзанд – в своих работах большое внимание уделяли

исследованию социальной морали. Они утверждали, что государственные модели должны не только иметь христианскую веру, быть честными и добрыми, но и быть вооружены научными идеями. В связи с этим в главе XIV монографии обстоятельно представлены социологические взгляды ученого, математика и астронома Анания Ширакаци (VI в.), который социализацию молодежи связывал с научным прогрессом, с использованием принципов и положений наследия Платона и Аристотеля.

В последних главах монографии автор обращается к социологическим взглядам мыслителей VII–VIII веков Ована Майрагомеди, Ована Мандакуни и Ована Одзнеци, которые обосновывали вопросы упорядочения социальных норм. По мнению автора, формулировка идеи любви позволила средневековым армянским мыслителям совершить важный шаг в направлении развития социологической мысли. Возводя идею любви на уровень христианской добродетели, они одновременно отмечали важную роль идеи любви в деле излечения социальных недугов, морального совершенствования межличностных отношений и укрепления патриотических идей. Особую ценность представляют, созданные ими в VII–VIII веках сборники канонов, благодаря которым были усовершенствованы социальные нормы, и методы социального контроля, что способствовало повышению моральных устоев общественной жизни.

Монография Ю.А. Гаспаряна раздвигает наш кругозор, позволяет смотреть на судьбу социальных идей шире, включая вклад армянских мыслителей. Вместе с тем, возникает вопрос: а прав ли был автор, называя книгу «Развитие социологической мысли в Армении в IV–VIII веках», а не историей социальных идей, нарождающихся социальных концептов в творчестве выдающихся армянских ученых-просветителей? Ведь предметная институционализация социогуманитарных и других наук началась гораздо позже. Кроме того, на наш взгляд, автору надо было бы более подробно рассмотреть влияние мыслителей Древней Греции на развитие социальной мысли в средневековой Армении.

Тем не менее, в монографии Ю.А. Гаспаряна впервые в истории армяноведения предпринята попытка (на наш взгляд удачная) вычленив в армянской общественной мысли зачатки социологических идей, показать, что их развертывание вполне ложится в канву более позднего новоевропейского периода, когда социология как наука официально отмечает свое появление.